

АЛЕКСЕЙ БОБРОВНИКОВ

КРАЙНОСТИ ГРУЗИИ

**в поисках сокровищ
страны волков**

**Харьков
«ФОЛИО»
2016**

«...Ясное небо Грузии, горный воздух, тень ореховых деревьев гораздо здоровее и приятнее, чем цвет небес зелено-бледный, мшистые болота и тщедушные елки и березки большей части русских губерний».

Из Кавказского календаря за 1848 год

Город, который любит тебя

Не знаю, что это: другая плотность воздуха, другая формула воды? Тучи, нависшие над горами, выглядят тверже, чем обычно. Или дело в контрастности?

В Тбилиси твердо стелют облака. Значит, здесь будет мягко спать?

Забрав паспорт из рук некрасивой, но какой-то очень благородной грузинки с теплыми глазами, я отправился за багажом.

«Tbilisi. The city that loves you» — сообщается на раздвижных дверях аэропорта, к которым я толкаю тележку, груженную вещами.

Двери распахнулись перед носом.

Передо мной стоит друг.

«Я вернулся», говорю ему.

Я не говорю «приехал» — только «вернулся».

Когда-то, счастливый и беззаботный, я приезжал в Тбилиси, чтобы поделиться этими ощущениями с теми, кого люблю.

В этот раз я прилетел налегке: ни людей, ни обязательств; у меня даже нет обратного билета. Я не знаю, когда вернусь. Честно говоря, даже не уверен, вернусь ли.

«Как ты?..» — спрашивает друг.

Чтобы ответить кому-то на вопрос «как ты?», нужно сперва задать этот вопрос себе самому. Задать — и не бояться услышать ответ. Выхо-

дя из магазина и пополнив счет грузинского телефона, я вдруг получил сигнал.

«Как ты?» — повторил я, обращаясь к самому себе.

«Как будто открыл глаза — и дома», — ответил внутренний голос.

Скучный дворик

«Мы искали для тебя хороший скучный дворик... Хороший тихий дворик», — поправил себя мой друг.

«Подходит», — отвечаю смеясь.

В первые дни по приезде я искал спокойное место, чтобы изучить материалы и разработать маршрут.

Мой план — написать цикл репортажей о самых отдаленных территориях и традициях, которые сохранились в Грузии вопреки советской власти, неокapитализму и цивилизации как таковой.

Интуиция и опыт прошлых поездок подсказывали, что сохранилось довольно много.

Любая из историй, услышанных в Тбилиси, может обернуться сенсацией или изысканной выдумкой.

Если верить услышанному и прочитанному в Тбилиси, то во время путешествия удастся увидеть обряды с массовыми жертвоприношениями; церкви, где службу правят не священники, а сельские старейшины; храм тайного церковного ордена, о котором

ничего не известно, кроме фамилии одного человека — единственного связующего звена с внешним миром.

Среди прочих историй мне рассказывали даже о цыганском короле, якобы поселившемся в горах грузинской провинции Аджария. Его самого никто не видел, но, говорят, некая журналистка уже отправлялась на его поиски. Девушка исчезла, и последние два года о ней никто не слышал.

Любая из историй, услышанных в городе, может обернуться сенсацией или изысканной выдумкой.

(Вспоминаю мою эпопею с «цацали» — таинственным обрядом, о котором расскажу позже. Может, и на этот раз все окажется таким же запутанным и непонятным?)

Готовясь к путешествию, я поселился в итальянском дворике в одном из старых районов Тбилиси. Моя комната на третьем этаже — это чердак

с видом на старую, разлапистую акацию и двор, где жильцы круглые сутки наблюдают за жизнью друг друга, делают замечания, ходят пить чай, иногда дерутся... Знай итальянцы, что местные дворики носят такое название, они бы очень удивились: так живут только в Грузии.

Завтрак в Тбилиси

«Если хотите видеть все видоизменения уличной жизни, то вставайте с рассветом и идите по городу. Утро тихо и спокойно, лавки еще заперты и потому движения мало. Только грузинские арбы с дровами, привозимые из дальних лесов, наполняют площади. Сонный грузин медленно плетется по улицам с кувшином молока и во все горло кричит дили-рдзе! (утреннее молоко!)».

*Из номера газеты «Кавказ»
за 1851 год*

Утро. Около десяти. Кто-то учится играть на фортепьяно.

Правая рука — в первой октаве.

Как ни странно, звук не раздражает. То ли ученик не настолько бездарен, то ли... Да ведь это синтезатор!

С изобретением синтезаторов соседи будущих музыкантов не поседеют так рано, как во времена стареньких, вечно расстроенных пианино.

На балконе напротив молодая мать ходит взад-вперед, толкая перед собой коляску с неподвижным белым свертком. Вдруг сверток оживает. Руки матери хватают этот новый, прерывистый источник звука. В верхнем регистре теперь уже обе руки...

«Мацо-они, молоко, твóрог, яйца, зелень!» — кричит нараспев женщина, которая разносит по дворам свежие домашние продукты.

Живущим в итальянских двориках, а не в дорогих гостиницах, завтрак доставляют прямо под окна.

«У вас есть сыр?» — спрашиваю.

«Нет, сыр не ношу. Сыр слишком тяжелый... «Мацо-они, молоко!..» — улыбаясь, она продолжает соло.

Покупаю банку мацони — густого, как сметана, йогурта домашнего приготовления.

С горячим грузинским хлебом и крестьянским маслом — это самый вкусный завтрак, который только можно себе вообразить. Что же до свежего хлеба, то в центре города его всегда можно купить в пекарне за углом.

Базар на Сухом мосту

Каждое утро, по дороге в библиотеку, прохожу мимо тбилисского Сухого моста.

Это самый большой сувенирный рынок на Кавказе, где продаются остатки роскоши старинных грузинских домов.

На протяжении последних десятилетий сюда свозят мешками древние ложки, бутафорские и настоящие кинжалы, глиняные горшки, портреты вождей и картины маслом; старые люстры, разобранные и продаваемые по стеклышку всякому, у кого нет денег на новый светильник или тому, кому расстаться с памятью кажется кощунством...

«Старые афиши, покупаем старые афиши!»

«Ордена, медали, ордена...»

«Сколько?» — спрашивает молодая, дьявольски хорошенькая туристка, похожая на цыганку, указывая на патронташ, висящий рядом с истоп-

танными коврами и миниатюрной железной дорогой марки Piko.

«Шестнадцатый!» — отзывается владелец товара.

«Что — шестнадцатый?» — недоумевает та.

«Калибр», — отвечает он.

Вот на дереве висят старинные хевсурские доспехи и мечи, точь-в-точь как на виденных мною старинных дагерротипах. Рядом — сверкающий набор инструментов сельского хирурга; граммофон с заржавевшим рупором и пластинки к нему, лежащие тут же, под палящим солнцем или же под проливным дождем.

И среди всего этого хлама — великолепно сохранившаяся деревянная кукла в костюме грузинского князя в черной чохе и с маленьким кинжалом на боку.

И среди всего этого хлама — великолепно сохранившаяся деревянная кукла в костюме грузинского князя в черной чохе и с маленьким кинжалом на боку.

«Не снимай, что ты снимаешь тут?! Хочешь купить — купи, потом будешь снимать! Понаехали тут, с фотоаппаратами».

Часто на раскладках можно найти полуистлевшие фотокарточки сванских, гурийских или имеретинских князей, когда-то похищенные из благородных домов.

«Сколько это стоит?»

«Для тебя — пятьсот! Ты мне не нравишься!»

«Да не слушай ее, она сумасшедшая! Подходи ко мне, дорогой, посмотри, какой князь! За сорок лари отдам!»

Часто на раскладках можно найти полуистлевшие фотокарточки сванских, гурийских или имеретинских князей, когда-то похищенные из благородных домов.

Случается, что правнучка кого-нибудь из них сама приходит на Сухой мост, чтобы выкупить у нового владельца портрет деда. А тот, одетый с иголки и аккуратно прислоненный к каменному парапету, взирает на происходящее из середины своего девятнадцатого века.

«Дорого? Да вы что, какое дорого, это же — история! Эй, куда ты? За тридцать твоего князя отдам!»

* * *

После сувенирного рынка я сворачиваю влево, на улицу, ведущую к Пушкинской площади и публичной библиотеке.

На угловом здании висит табличка: «Дагни Юль. Норвежский автор, чья жизнь трагически оборвалась в гостинице «Гранд Отель» 5 июня 1901 года».

Ни пола, ни возраста, ни портрета...

Тогда, отвлекшись от работы над этнографическими документами, я решил разузнать что-нибудь о событиях того дня. Тбилисские газеты начала века молчали: ни в одной из них в колонке происшествий не сообщалось об этом трагическом случае. Пришлось обратиться к энциклопедии искусств.

Здесь была Мадонна

В узком кругу ее называли Аспасией, в честь знаменитой греческой куртизанки. В быту — просто Дагни. В паспорте значилось: «Госпожа Пшибышевская».

После смерти все эти имена будут забыты — останется только портрет кисти художника Мунка, писавшего с нее «Мадонну».

История этой женщины началась в кабаре «Черный поросенок» в Берлине, а закончилась в Тифлисе.

Вот что говорит энциклопедия о ее последних годах:

«У Дагни был роман как минимум с тремя мужчинами в Париже, включая Владислава Эмерика, сына владельца нефтяных вышек. У мужа Дагни Станислава Пшибышевского, в свою очередь, была связь с женой его друга Яна Каспровича и еще одной женщиной, по имени Анеля Пайонкувна. Последняя родила от него дочь...

Предыдущая жена Пшибышевского, Марта, погибла при загадочных обстоятельствах. Следствие заподозрило в ее убийстве Станислава и Дагни, но остановилось на версии самоубийства.

Муж Дагни спровоцировал связь своей жены с писателем Генриком Сенкевичем, добываясь от последнего выделения гранта в 3200 австрийских крон.

В 1901 году один из любовников Дагни, Эмерик, пригласил семейную пару в путешествие на Кавказ.

5 июня 1901 года в номере гостиницы «Гранд Отель» в Тбилиси нефтяной магнат выстрелил Дагни в голову. На следующий день убийца застрелился сам...»

Так, в нескольких коротких предложениях, можно описать бурную историю этой женщины.

Будь моя воля, вместо сухой мемориальной таблички, которая вводит в заблуждение прохожих на перекрестке улиц Атонели и «Хидис куча» (дословно: «Улица моста»), там висела бы репродукция «Мадонны» Мунка с короткой подписью:

«В этом доме 100 лет назад погибла норвежская туристка Дагни Юль. После нее остались двое детей, две коротких новеллы и эта картина».

Что случается в Тбилиси с непрошеными гостями

«Какого вы мнения о грузинах?» — спросил я барона Фино, нашего консула в Тифлисе, проживающего среди них уже три года.

«Это народ без недостатков, со всеми добрыми качествами», — отвечал он.

Александр Дюма, «Кавказ»

В Париже, Москве или Тель-Авиве вас не любят только за то, что вы — украинец. (Куда чаще — наоборот.)

В Париже человека не тащат к себе домой поить вином и знакомить с женой только потому, что тот залез на крышу особняка под предлогом сфотографировать городской пейзаж.

В то время как Париж — это бесконечное притворство, Тбилиси — это бесконечный праздник.

Тбилиси стар и обшарпан, но красив, как бывает красива уже увядающая, но удивительно пикантная женщина.

Чтобы успеть узнать этот город таким, каким его видел автор «Трех мушкетеров», нужно отправиться на прогулку в старинный район Сололаки. Здесь находится один из самых старинных соборов Грузии — Сиони, множество художественных салонов и кафе, где собирается местная «золотая молодежь», а также удивительный театр марионеток, где идут постановки совершенно не детского содержания.

В районе Сололаки город выглядит точно так же, как два века назад, когда французский путешественник Шарден назвал Тбилиси «персидским городом».

Несколько лет назад, очутившись в Тбилиси впервые, я забрался на лестницу маленького трехэтажного дома,

стоявшего на холме неподалеку от серных бань, откуда видны все восемь центральных соборов Тбилиси, а также мечеть и синагога.

Ступеньки скрипят, как бутафорская палуба в малобюджетном пиратском фильме.

Ползу почти по-пластунски. Двери распахиваются перед самым носом, и я пытаюсь принять вертикальное положение.

«Добрый вечер, — говорит высокая фигура в дверном проеме, освещенная сзади снопом света. — А что вы тут делаете?»

Я не вижу выражения лица и не знаю, что делают в Грузии с людьми, которые в 2 часа ночи залазят на чужие балконы. Тогда произношу фразу, которую с этих пор буду использовать в Грузии на каждом шагу:

«Я украинский журналист. Впервые в Тбилиси. У вас потрясающая страна. Я фотографирую все, что вижу!»

Фигура в желтом столпе света, кажется, становится меньше. «Тогда заходи, дорогой! Будешь вино, виски, кофе, чай?»

Я не знал, как это истолковать, и поэтому на всякий случай спросил: «Вы — женаты?»

*Тбилиси стар и обшарпан,
но красив, как бывает красива
уже увядающая, но удивительно
пикантная женщина.*

Мало ли что.

«Конечно! — ответил голос. — Тамуна!!! У нас гости!»

«Что, опять?» — спросила Тамуна где-то за столбом света.

«Да! Украинский журналист».

«О! Тогда я ставлю чайник».

Я решил прояснить ситуацию.

«Да, но только нас тут трое».

«Ничего, ничего. Ты думаешь, у меня виски не хватит?»

Так я познакомился с моим другом Гочей и его женой Тамуной. Последнюю, за красоту и аристократизм, мы прозвали «Царицей Тамар».

С первых минут знакомства эти люди стали моими главными «путеводителями» по Грузии и помощниками во всех авантюрных начинаниях.

Серная баня

«— В баню! — сказал он по-русски.

Я уже настолько знал по-русски, что понял Фино.

— В баню? — удивился я. — Мы едем в баню?

— Да, — отвечал он, — однако разве вы против этого?

— Против бани? За кого вы меня принимаете? Но вы говорили мне о сюрпризе, и я нахожу довольно дерзким, что, по вашему мнению, для меня будет сюрпризом — побывать в бане».

Александр Дюма, «Кавказ»

«Тбили» — по-грузински «теплый», а легенду о том, как царь Вахтанг основал город, обнаружив горячие серные купальни, в которые упал и сварился его любимый охотничий сокол, вам расскажет первый встречный тбилисец.

Сто пятьдесят лет назад эту историю рассказали и Александру Дюма.

Вот что он написал о названии этого города в своем «Кавказе»:

«Любопытна благозвучная аналогия, которую имеют некоторые города, известные своими теплыми водами. В древности в Нумидии город Тобилис, а в наше время, кроме грузинского Тифлиса, существует в Богемии город Теплиц, корень которого, очень может быть, тоже "тепло"».

Прежде чем отправиться в путешествие вокруг страны, я решил наведаться в место, с которого начинали свое знакомство с Грузией все путешественники XIX века, включая Дюма и Александра Пушкина — а именно в тбилисские бани.

В одной из них, принадлежавшей некогда княжеской семье Орбелиани, сохранился номер, известный под названием «Пушкинский».

Как утверждается, именно там разминали косточки отцу современного литературного русского языка.

Запах серы слышен еще в метро; когда ты проезжаешь под станцией Авлабари, он уже бьет в нос, и кажется, воздух становится жарче...

Ты окунаешь голову в воду, поступающую прямо из преисподней.

«Любопытна благозвучная аналогия, которую имеют некоторые города, известные своими теплыми водами. В древности в Нумидии город Тобилис, а в наше время, кроме грузинского Тифлиса, существует в Богемии город Теплиц, корень которого, очень может быть, тоже "тепло"».

Александр Дюма

Прихожанки храма Сиони, центрального собора Тбилиси